

В. И. Козлов, Г. В. Шелепов

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР» И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В общественных науках вряд ли найдется другая проблема, которая, привлекая широкое внимание, была бы в то же время столь сильно запутанной, как проблема «национального характера». Все, что писалось по этой теме в работах советских философов, историков, литературоведов и других авторов примерно до середины 50-х годов, так или иначе связывалось с известным определением нации. По этому определению общность психического склада входящих в нацию людей («национальный характер») считалась ее существенным признаком, без которого нация «перестает быть нацией». Зыбкость ситуации отчетливо выявилась во время развернувшейся с середины 60-х годов дискуссии вокруг научного определения нации. Именно этот признак нации вызвал наиболее острые споры, и если одни участники дискуссии решительно отвергали его¹, то другие горячо отстаивали². Те же споры продолжались и в последующие годы. В 1969 г., например, вышла монография С. Т. Калтагчяна, значительная часть которой посвящена отрицанию общности психического склада нации, или «национального характера»³; как бы в ответ на нее вышла монография Н. Джандильдина, где доказывается реальность и важность «национального характера»⁴. Для «промежуточной» позиции характерны работы И. С. Кона, в которых признание «национального характера» каждый раз сопровождается существенными оговорками; даже поставив в заглавие одной из своих статей прямой вопрос: «Национальный характер — миф или реальность?»⁵ — в конце статьи он по существу оставил его открытым, ответив уклончиво: «Мне кажется — и то и другое»⁶.

Среди ученых, принявших участие в разработке теории этноса (этнической общности), которая охватывает и нацию как особый тип этноса, сильнее выступает негативное отношение к «национальному характеру». С. А. Токарев, по существу открывший обсуждение данной проблемы, отметил, что привлечение признака «психического склада», или «национального характера», для определения понятия этнической общности, «кроме путаницы, ничего не вносит»⁶. Н. Н. Чебоксаров, рассматривая

¹ См.: П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, О понятии «нация», «Вопросы истории», 1966, № 1; С. Т. Калтагчян, К вопросу о понятии нации, там же, 1966, № 6; Т. Ю. Бурмистрова, Некоторые вопросы теории нации, там же, № 12.

² См.: А. И. Горячева, Является ли психический склад признаком нации, «Вопросы истории», 1967, № 8.

³ С. Т. Калтагчян, Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, М., 1969.

⁴ Н. Джандильдин, Природа национальной психологии, Алматы, 1971.

⁵ И. С. Кон, Национальный характер — миф или реальность? «Иностранная литература», 1968, № 9, стр. 216.

⁶ С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей, «Вопросы философии», 1964, № 11, стр. 44.

понятие этноса, просто игнорировал этот признак⁷. Заметим, что даже в обобщающих этнографических работах, например в многотомной серии «Народы мира», не предпринималось попыток вскрыть «национальный характер» того или иного народа. Лишь иногда в печати проскальзывают прямые высказывания в защиту «национального характера»; так, В. П. Алексеев пишет, что «каждому непредубежденному человеку ясно... существование национального характера»⁸.

Следует сказать, что резкие разногласия по поводу «национального характера» возникли не вдруг, что дискуссия по этой проблеме тянется уже добрую сотню лет. Ограниченные размеры статьи не позволяют нам подробно остановиться на истории вопроса⁹. Отметим лишь, что относящиеся к данной проблеме высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса фрагментарны и неоднозначны, что существенно повлияло на упомянутую выше дискуссию. С одной стороны, основоположники марксизма признавали отличие некоторых народов в психологическом отношении и пользовались термином «национальный характер». «Английский национальный характер,— писал, например, Ф. Энгельс,— существенно отличен как от немецкого, так и от французского»¹⁰. С другой стороны, как только они переходили от общих штрихов к углубленному анализу социально-психологических качеств, то обычно сразу же выдвигали на первый план классовые черты. Говоря, например, о психологии английского рабочего класса, Ф. Энгельс подчеркивал: «Рассудочность, которая так сильно содействовала развитию эгоистических задатков у английского буржуа, которая все его страсти подчинила себялюбию и сосредоточила всю силу его чувств на одной только погоне за деньгами, у рабочего отсутствует, благодаря чему страсти у него сильные и неукротимые, как у иностранца. Английские национальные черты у рабочего уничтожены»¹¹. Крестьянства в Англии в описываемое Энгельсом время, как известно, уже почти не было. Принимать же за общеанглийский «национальный характер» характер английских буржуа не приходится.

Сходных взглядов придерживался и Н. Г. Чернышевский. В своей большой работе «Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории» он считал необходимым посвятить этому вопросу специальную главу «О различиях между народами по национальному характеру», где подверг критике бытовавшие в то время вульгарные и идеалистические концепции «национального характера», убедительно показав зыбкость самого этого понятия. Правда, Н. Г. Чернышевский в принципе не отвергал существование некоторых различий в нравах и привычках французов, англичан и других народов, объясняя их специфическими условиями жизни, физическим типом и темпераментом этих народов, однако он считал, что эти различия несущественны по сравнению с психическими особенностями классово-профессиональных групп. «По образу жизни есть очень важные различия между людьми; но в Западной Европе все существенные различия этого рода не национальные, а сословные или профессиональные. Землепашец ведет не такую жизнь, как ремесленник, работающий в комнате... По образу жизни и по понятиям земледельческий класс всей Западной Европы представляет собой как будто бы одно целое; то же должно сказать о ремесленниках, о сословии богатых простолюдинов, о знатном сословии. Португальский вельможа по образу жизни и по понятиям гораздо более похож на шведского вельмо-

⁷ См.: Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы. Расы. Культуры, М., 1971.

⁸ В. П. Алексеев, Человек: биология и социологические проблемы, «Природа», 1971, № 8, стр. 49.

⁹ См. об этом: Б. Д. Парыгин, Основы социально-психологической теории, М., 1971, стр. 11—14.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 602.

¹¹ Там же, т. 2, стр. 437—438.

жу, чем на земледельца своей нации; португальский земледелец в этом отношении более похож на шотландского или норвежского земледельца, чем на лиссабонского богатого негодяя»¹².

Высказывания В. И. Ленина по проблеме «национального характера», к сожалению, еще более фрагментарны, чем высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса. Известно, что В. И. Ленин резко критиковал теорию нации О. Бауэра, который считал главным признаком нации «национальный характер» и умалчал, в отличие от К. Маркса и Ф. Энгельса, роль социально-классовых различий¹³. В. И. Ленин называл бауэровскую концепцию «психологической» и «идеалистической» и противопоставлял ей «историко-экономическую» теорию, по которой основными признаками нации считались язык и территория¹⁴.

В работах В. И. Ленина, как установил Б. Ф. Поршнев, чрезвычайно редко встречаются замечания о психологических особенностях тех или иных народов. По мнению Б. Ф. Поршнева, вопрос о национальном характере или психическом складе народов «чужд мысли Ленина»¹⁵. Вероятно, правильнее было бы отметить осторожность В. И. Ленина в столь сложном вопросе. Так, выступая на третьем Конгрессе Коминтерна, он заявил: «Лаццари (итальянский социалист.— В. К. и Г. Ш.) сказал: «Мы знаем психологию итальянского народа». Я лично не решился бы этого утверждать о русском народе»¹⁶.

Можно полагать, что В. И. Ленин считал «национальный характер» трудноуловимым явлением, оперировать понятием которого нецелесообразно. Что же касается «уловимой» сферы этого явления, выражающейся в «общности культуры», то по этому вопросу позиция В. И. Ленина совершенно ясна. Выступая против всякого национального гнета и неравноправия (в том числе и в языково-культурной области), В. И. Ленин постоянно указывал на неоднородность «национальной культуры», выделяя в ней элементы демократической и социалистической культуры, с одной стороны, и буржуазную культуру — с другой. Он писал: «Есть две нации в каждой современной нации... Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»¹⁷. Приводя это высказывание В. И. Ленина, следует отметить, что под культурой он понимал главным образом сферы духовной культуры, находящиеся под сильным воздействием идеологии¹⁸. Искать же за идеологией русской буржуазии и идеологией русского пролетариата какую-то единую «русскую идеологию» вряд ли допустимо. Отсюда ясно и то, что данные высказывания В. И. Ленина, очевидно, не следует безоговорочно распространять на общее понятие культуры, принятое в этнографической науке.

Развернувшаяся недавно дискуссия по проблеме «национального характера» дала некоторые положительные результаты; анализируя соотношение психики и культуры, теперь уже редко кто отстаивает примат

¹² Н. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. 3, М., 1951, стр. 611.

¹³ «Пролетарии всех стран,— писал, например, О. Бауэр,— отличаются однородными чертами характера, ...одинаково революционным образом мыслей... Но эту общность характера создала не общность, а однородность судьбы. Ибо, хотя между немецким и английским рабочим и существуют известные отношения,— все же они не так тесны, как связь между английским рабочим и английским буржуа, живущими в одном и том же городе, читающими одни и те же газеты, ... участвующими в одних и тех же политических событиях и делах, в спорте и т. д.» (О. Бауэр, Национальный вопрос и социал-демократия, СПб., 1909, стр. 116).

¹⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 25; см. также: «Ленинский сборник», XXX, М., 1941, стр. 63.

¹⁵ Б. Ф. Поршнев, Социальная психология и история, М., 1966, стр. 70.

¹⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 17.

¹⁷ Там же, т. 24, стр. 129.

¹⁸ Этот вопрос уже рассматривался в статье: В. И. Козлов, Национальная проблематика в трудах В. И. Ленина, «Сов. этнография», 1968, № 6.

психического. Вместе с тем по основной проблеме, как отмечалось в начале нашей статьи, разногласия сохранились и даже углубились. Многие авторы по-прежнему считают необходимым при определении нации (а иногда и этноса) учитывать какой-то «психологический» признак; предпочтение при этом стали отдавать не общности «психического склада», а «национальному характеру»; в этой замене нередко усматривается даже прогресс, но по существу она носит терминологический характер и ничего нового не дает. Стрелка полемических весов качается то в одну, то в другую сторону, причем создается впечатление, что в последнее время приверженцы «национального характера» от временной обороны перешли в наступление и ждут от своих противников капитуляции. «Те товарищи, которые оспаривают реальность национального характера,— пишет, например, Н. Джандильдин,— выступают, на наш взгляд, против очевидного факта, проявляя при этом излишнее упрямство»¹⁹.

Как свидетельствует история науки, аргументация путем ссылки на «очевидные факты» не всегда служит истине даже в тех случаях, когда факты, казалось бы, действительно очевидны; достаточно вспомнить в этой связи аргументы в пользу геоцентрической концепции мира. Что же касается рассматриваемой нами проблемы, то здесь «очевидные факты» обычно сводятся к утверждениям, будто бы французам свойственны «юмор и остроумие», немцам — «пунктуальность», испанцам — «темпераментность»²⁰, а, например, японцам, как считает Н. Джандильдин,— «невозмутимость перед лицом опасности»²¹. Однако подобные «факты», высмеиваемые еще Н. Г. Чернышевским, не столь уж очевидны, а главное, они, как будет показано далее, отражают не столько «национальный характер», сколько бытующие в большинстве своем вульгарные этнопсихологические стереотипы.

Дискуссия по «национальному характеру» показала, что эта проблема очень сложна и выходит за пределы круга вопросов, связанных с определением нации или этнической общности. Она затрагивает и реальность самого содержания, стоящего за этим термином. Состояние проблемы не допускает здесь однозначных решений, да мы к этому и не стремимся. Главная цель нашей статьи — анализ основных путей выявления «национального характера», с тем чтобы выяснить стоящие на них препятствия. Тем самым мы надеемся помочь авторам, работающим в данной области, а заодно развеять некоторые иллюзии, в том числе и надежды на какие-то легкие успехи и «очевидные» выводы. В связи с такой задачей нам представляется нецелесообразным углублять спор о толковании того или иного фрагментарного высказывания классиков марксизма-ленинизма. Гораздо уместнее начать с уточнения используемого сейчас терминологическо-понятийного аппарата и прежде всего с пояснения понятия «характер».

В психологии под характером принято понимать своеобразный психический склад личности, комплекс качественно своеобразных психологических черт человека, сложившийся в течение его предшествующей жизни и влияющий на его поведение и поступки²². Для выявления особенностей характера в психологической науке применяются различные методы исследований: наблюдение и беседа, естественный эксперимент, лабораторный эксперимент с применением системы тестов и др. Полученные результаты фиксируются «качественными» терминами (агрессивность, миролюбие, лень, прилежание, смелость, трусость и т. п.). Под-

¹⁹ Н. Джандильдин, Указ. раб., стр. 7.

²⁰ См.: В. В. Алексеев, Род, племя, народность, нация как исторические формы общности людей, М., 1962, стр. 29.

²¹ Н. Джандильдин, Указ. раб., стр. 121.

²² См., например: Н. Д. Левитов, Вопросы психологии характера, М., 1956, стр. 14; А. Г. Ковалев, Психология личности, М., 1970, стр. 207.

считано, что в русском языке, например, есть до 1500 слов, обозначающих различные психические черты людей²³. Качественные характеристики иногда дополняются количественными, показывающими степень развития той или иной психологической черты.

Понятие любого группового, в том числе и национального, характера следует, вероятно, как-то отличать от индивидуального, так как оно не является простой суммой индивидуальных характеров. Однако это отличие твердо не установлено; к тому же в конкретных исследованиях групп людей психологи имеют дело главным образом с образующими их личностями. Приверженцы «национального характера», так же как и те, кто ставит его под сомнение, считают, что этот характер — понятие собирательное, что он «существует только в психологии отдельных личностей и только через них получает отражение в духовной деятельности наций»²⁴. Попробуем начать с этого согласованного положения и, прежде чем анализировать «национальный характер», рассмотрим элементы, формирующие характер личности, разделив их по происхождению на две основные группы: биологическую и социальную.

К первой группе относится прежде всего физиологическая основа характера — тип нервной системы человека, или темперамент. При характеристике темпераментов в психологии обычно применяют классификацию, которая идет от Гиппократов, выделившего в качестве основных типов холерический, флегматический, сангвинический и меланхолический темпераменты. И. П. Павлов ввел в эту классификацию учет силы нервных процессов, степень их уравновешенности и подвижности, выделив 24 разновидности, или подтипа, основных темпераментов. Встречаются, впрочем, и другие системы их классификации. Некоторые наши авторы, говоря о «национальном характере», путают темперамент с характером, а В. В. Алексеев, например, определив в своей работе особенности психического склада испанцев «темпераментностью», показал очень слабое знание психологической терминологии. Психологи постоянно подчеркивают недопустимость отождествления характера с темпераментом; последний сам по себе больше связан с общей физиологией нервной деятельности, чем с психикой человека. Известно, что И. П. Павлов изучал выделенные им подтипы темпераментов в основном не на людях, а на собаках. Темперамент может наложить сильный отпечаток на поведение человека, но он не определяет ни целей его деятельности, ни ее внутреннего содержания²⁵.

Среди других «биологических» сторон или элементов характера следует назвать половозрастные различия. Мужчины в очень многих ситуациях ведут себя иначе, чем женщины, а дети — не так, как взрослые. Эти половозрастные различия психики настолько существенны, что в психологической науке уже давно выделились направления, связанные с изучением детской психологии, психологии подростков и т. п. И если, например, при анализе группового характера кадровых военных мы можем абстрагироваться от особенностей характера их жен и детей, то при рассмотрении «национального характера» мы, естественно, должны учитывать все составляющие его половозрастные элементы.

К этой же группе можно отнести, наконец, и психические различия, вызванные особенностями влияния природной среды, в которой живут люди. Представляется весьма вероятным, что характер человека, выросшего в лесистых горах, будет существенно отличаться от характера людей, живущих на степной равнине или на морском побережье. При определении «национального характера» обычно учитывается своеобраз-

²³ См.: Е. В. Осипова, Некоторые проблемы теории личности, «Социальные исследования», вып. 3, М., 1970, стр. 22.

²⁴ Н. Джандильдин, Указ. раб.; стр. 147; см. также: Н. Г. Чернышевский, Указ. раб., стр. 580.

²⁵ См.: Н. Д. Левилов, Указ. раб., стр. 73.

ние географической среды²⁶; заметим в связи с этим, что чем обширнее территория расселения того или иного этноса, тем разнообразнее могут быть природные условия отдельных ее районов и шире диапазон их влияния на психику входящих в этнос людей.

В группе социальных элементов психики на первый план выступают социальное (классово-профессиональное) положение людей и связанные с ним воспитание и образование. Социальные факторы в подавляющем большинстве случаев оказывают на характер более сильное влияние, чем естественно-биологические. Итальянский священник, например, несмотря на свой от природы холерический темперамент, внешне может вести себя как флегматик, в то время как от рождения флегматичный рыночный торговец может выглядеть холериком. Психический склад крестьян во многом отличен от склада кадровых военных, а психический склад рабочих — от купцов или чиновников. Классики марксизма-ленинизма в своих социально-психологических экскурсах подчеркивали обычно не этнические, а именно классово-профессиональные и сословные различия в психике людей, отметив, в частности, революционность пролетариата, мелко-собственнические интересы и «власть земли» у крестьян, угодливость, лакейство, колебания мещанства и т. д. Сословная психология, воспринятая с детства, может сохраниться даже при изменении социального статуса тех или иных лиц; достаточно вспомнить в этой связи горьковского Барона, который и на «дне» общества пытается вести себя как аристократ. Весьма своеобразно влияние общего образования, которое, с одной стороны, ведет к унификации некоторых элементов психического склада и поведения образованных людей, принадлежащих к разным этносам, с другой — к некоторым различиям между высокообразованными и необразованными людьми внутри одних и тех же этносов.

К социальным элементам психики относятся и те ее черты, которые обусловлены религиозной принадлежностью (религиозными нормами поведения), культурно-бытовыми особенностями жизни в определенном населенном пункте (от небольшой деревни до крупного города), ритмом политической, социальной, экономической и научной жизни и т. д. Сюда же, наконец, видимо, следовало бы отнести и большинство тех (назовем их этническими) элементов, которые принадлежат к собственно «национальному характеру».

Никто из приверженцев «национального характера» не стремится поглотить этим термином все классово-профессиональные и другие групповые характеры людей, входящих в нацию (или этнос); им обозначают какой-то комплекс частных особенностей психики этих людей. «Под национальным характером,— пишет Н. Джандильдин,— мы понимаем совокупность специфических психологических черт, ставших в большей или меньшей степени свойственными той или иной социально-этнической общности в конкретных историко-экономических, культурных и природных условиях ее развития... Не каждый индивидуум наделен всеми присущими данной нации чертами характера... социальная психология любого народа состоит не из одних только специфических черт. В нем преобладающее место занимает то общее, которое присуще всем другим народам...»²⁷. Несколько далее Н. Джандильдин поясняет, что «основными структурными элементами национального характера являются некоторые своеобразные неповторимые черты: а) привычки и поведение; б) эмоционально-психологическая реакция на явления привычной и непривычной среды; в) ценностные ориентации; г) потребности и вкусы»²⁸.

Социальная психология у нас развита пока слабо и сами психологи «национальным характером», как правило, не занимаются, поэтому

²⁶ См., например, Э. А. Баграмов, Национальный вопрос и буржуазная идеология, М., 1966, стр. 90.

²⁷ Н. Джандильдин, Указ. раб., стр. 122.

²⁸ Там же, стр. 146.

решать связанные с ним вопросы приходится нам самим. Примем, что он действительно существует, не сводится к культуре и является если не «счевидным фактом», то более или менее уловимым явлением. Попробуем же уловить его, основываясь на изложенных выше положениях из области психологии.

Так как «национальный характер» включает в себя комплекс специфических элементов психики входящих в этнос людей, было бы заманчиво представить их в виде своего рода «этнического пласта» психики. Но мы сразу же должны отказаться от этого и прочих упрощений. Психика очень сложное и до сих пор не вполне изученное явление; но несомненно, что формирующие ее элементы (биологические и социальные) находятся в таком сложном сочетании, которое никак нельзя уподобить физическому «напластованию»; уместнее сравнить его с раствором или с химическим соединением. Нам пока не дано знать формулу этого соединения, мы можем фиксировать лишь его «свойства», реально проявляющиеся главным образом в особенностях поведения людей. Чтобы выделить здесь «национальный характер», следует как-то устранить или хотя бы учесть сопрягающиеся с ним и затемняющие его классово-профессиональные и другие «неэтнические» элементы или найти такие ситуации, в которых «национальный характер» резко выступал бы на передний план.

Допустим, что перед нами поставлена задача выявить какой-нибудь конкретный «национальный характер», например белорусский. Так как к нему относятся лишь специфические черты психики белорусов, то ясно, что обнаружить такую специфику можно лишь путем сопоставления белорусов с другим народом или народами. Встает вопрос: какой же из двух тысяч народов земного шара взять в качестве эталона — украинцев, грузин или якутов, австрийцев или англичан, канадцев или чилийцев, марокканцев или зулусов, папуасов или японцев? Отдать здесь кому-нибудь предпочтение довольно трудно, так как в каждом случае на первый план, очевидно, будут выступать не одни и те же, а различные особенности психики сравниваемых народов.

Пригласить для психологической экспертизы целиком более или менее крупные народы невозможно, поэтому наряду с первым вопросом сразу же встает вопрос об отборе «контрольных» групп. Сравнить группу белорусских юношей-комсомольцев одного из минских заводов, например, с группой пожилых австрийских крестьянок из альпийской деревушки явно нецелесообразно, так как разительные отличия в их «групповых» характерах имеют мало отношения к «национальному характеру». Однако методика и критерии правильного отбора пока не разработаны; не установлено, кто же является типичным носителем «национального характера»: мужчины или женщины, пожилые или молодые люди, сельские жители или горожане, земледельцы или инженеры? Вставший перед нами вопрос очень труден. Вряд ли кто возьмется отыскать среди многомиллионного народа сотни две людей с типичным «национальным» выражением лица. А отыскивать людей со скрытыми от наблюдателя «типичными» чертами «национального характера» намного труднее.

Следует поэтому взять, видимо, не одну «типичную», а множество «контрольных» групп от каждого из сравниваемых этносов, более или менее выровняв их по тем или иным показателям. Сравнительно легко выровнять их по полу и возрасту, несколько сложнее — по занятиям, гораздо труднее — по другим, оказывающим сильное влияние на психику параметрам. К таким параметрам относится даже уровень образования, так как система общего образования, например, у австрийцев существенно отличается от системы образования в Белоруссии. Следует почти наверняка ожидать, что результаты от сравнения каждой из контрольных пар групп будут, с одной стороны, неравнозначными, с другой — нерепрезентативными для всего этноса. Вместо какого-то единого «национального

характера» перед нами предстанет сложная мозаика из частных «групповых» психологий с сильными контрастами между отдельными фрагментами и множеством пустых мест. Во многих случаях на передний план у австрийцев, например, выступают те психологические черты, которые возникли под влиянием католицизма и жизни в капиталистическом обществе, а у белорусов — черты советского характера, сложившегося в результате воспитания и жизни в советском государстве, под воздействием марксистско-ленинской идеологии. Встает, однако, вопрос: можно ли называть эти черты «национальным характером»?

Использование австрийцев в качестве эталона для определения особенностей «национального характера» белорусов представляет собой более или менее средний случай. Заменяв австрийцев русскими, мы, очевидно, приглушили бы мозаичность результатов; взяв папуасов, мы получили бы мозаику более яркую, но суть дела изменилась бы мало. Для того чтобы отбор эталонов был менее произвольным, а результаты психологических тестов более объективными, очевидно, следует привлекать для сравнения с белорусами не один и не два, а несколько десятков народов из различных областей земного шара.

Таким образом, применять для выявления «национального характера» обычные методы психологических исследований чрезвычайно трудно, а подчас, и невозможно. Не случайно, что профессиональные психологи уделяют столь мало внимания проблеме «национального характера», предоставив эту тематику специалистам других наук. Характеризуя основные направления поисков «национального характера», И. С. Кон кроме уже рассмотренного нами прямого «психологического» подхода предложил выделять «этнографический» и «историко-культурный» подходы²⁹. При первом из них во главу угла кладется непосредственное наблюдение и описание бытового поведения и нравов народов, при втором — анализ культурной символики, произведений народного творчества и исторических данных. Рассмотрим возможности использования этих и некоторых других материалов для решения вставшей перед нами проблемы.

Непосредственное этнографическое наблюдение является, по мнению И. С. Кона, «ценнейшим источником информации о национальном характере»³⁰. Однако это положение ставится под сомнение самим же автором, отмечающим, что присутствие постороннего наблюдателя может сильно изменить «естественное» поведение людей, что зафиксировать все нюансы поведения невозможно, а для отбора наиболее типичного нет надежных критериев и, наконец, что психологическое толкование особенностей поведения может сильно варьировать в зависимости от конкретной ситуации, общих особенностей культуры наблюдаемых и взглядов самого наблюдателя. Если добавить к этому широкие вариации поведения в половозрастных, классово-профессиональных и других группах, особенно внутри крупных этносов, то действительная ценность данного источника окажется более чем скромной. Кроме того, сама возможность психологической интерпретации тех или иных особенностей поведения людей в быту чрезвычайно сложна, а многие делаемые на ее основе выводы натянуты. Так, традиционная привычка японцев при встрече изображать на своем лице улыбку столь же мало говорит об их «радушии» или о каких-то других свойствах характера, как и традиционное индийское приветствие сложенными ладонями или принятое европейцами рукопожатие. Все эти заученные с детства жесты и мимика не отличаются по существу от армейской установки начинать первый шаг с левой ноги, невзирая на любые черты характера военнослужащих.

Сравнительно небольшие возможности представляет и анализ устного народного творчества (фольклора), так как многие фольклорные мотивы,

²⁹ См.: И. С. Кон, К проблеме национального характера, «История и психология», М., 1971, стр. 131.

³⁰ Там же, стр. 132.

повторяясь у разных этносов, вместе с тем могут сильно варьировать у одного и того же народа. Поэтому делать на основе сопоставления тех или иных фольклорных мотивов выводы о «национальном характере», как признает и И. С. Кон, крайне рискованно.

То же самое относится к этнопсихологической интерпретации других видов народного искусства. Конечно, даже при поверхностном наблюдении нетрудно заметить, например, что интонационный строй русской песни отличается от итальянской, финская пляска — от украинской, испанский орнамент — от узбекского, но очень трудно определить, какие же именно особенности психики стоят за ними. Сравнительный анализ таких видов народного творчества очень сложен; так, при сравнении народных песен следует учитывать не только особенности их содержания и напева, но и особенности языка, метрического размера стиха, традиционного подбора голосов и даже эмоций, которые овладевают исполнителями и слушателями; выразить же большинство этих различий в терминах психологии почти невозможно. Даже у одного и того же народа могут быть сильные различия в песенном творчестве; вместе с тем обнаруживается сходство не только у близких, но и у далеких друг от друга народов³¹.

Не останавливаясь на некоторых, пока еще малопродуктивных попытках использовать в этнопсихологических целях материалы сравнительного языкознания (выявленные здесь различия относятся главным образом не к сфере характера, а к сфере мышления), перейдем к письменным источникам, представленным произведениями художественной литературы и биографиями. На первый взгляд эти источники содержат очень ценный для выявления «национального характера» материал, выраженный к тому же в виде прямых психологических характеристик. Распространено мнение, что писатели — «инженеры человеческих душ» уже тем самым, что рисуют в своих произведениях характер человека, принадлежащего к определенному народу и действующего в национальной обстановке, показывают читателю более или менее типичный «национальный характер». Однако никому еще не удалось установить по художественной литературе «национальный характер» какого-нибудь народа. И это понятно, так как в действительности и здесь мы вместо «национального характера» сталкиваемся все с той же сложнейшей мозаикой частных и групповых социальных характеров, связать которые воедино очень трудно. Самые различия характеров обнаруживаются не только внутри одного и того же народа, но и внутри одной и той же семьи; достаточно вспомнить, например, Ольгу и Татьяну Лариных, Остапа и Андрея Бульбу, Ивана и Алешу Карамазовых. Наряду с этим замечено большое сходство в характерах персонажей, принадлежащих к различным этносам. В золотой фонд мировой литературы обычно как раз и входят такие произведения, в героях которых выступают не столько национальные, сколько общечеловеческие по своему содержанию черты характера; миллионы людей самых различных национальностей сопереживают душевное смятение Гамлета и ревность Отелло, несмотря на то что первый из них датчанин, а второй — «венецианский мавр».

Следует учитывать также, что в поле зрения того или иного писателя обычно оказывались лишь некоторые, далеко не всегда репрезентативные для всего этноса социальные слои. Известно, например, сколь мало вни-

---

³¹ Так, Назым Хикмет по поводу отмеченного кем-то большого сходства музыки и танцев народов Средней Азии с негритянскими, пишет: «Я давно уже замечаю, что в танцах, песнях, рукоделии народов есть поразительное сходство... Однажды, находясь в рязанском колхозе, я услышал старинные русские песни. Я был потрясен — это были знакомые мне с детства мелодии моих анатолийских крестьян... А сходство между народными сказками? Конечно, у каждого народа есть своя тема, им на свой лад обработанная, принадлежащая только ему. Но за исключением этих тем — их меньшинство — темы сказок, можно сказать, — международные, общечеловеческие» (Назым Хикмет, В Ташкенте, «Новый мир», 1958, № 12).

мания уделялось почти до середины XIX в. художественному изображению жизни крестьянских масс, составлявших большинство населения почти во всех странах мира. Кроме того, различные по своей социальной принадлежности персонажи, различные психологические типы той или иной национальной принадлежности, находящиеся в различных жизненных обстоятельствах, исторических и других условиях, отражались в художественной литературе не как в зеркале, а преломляясь через призму творчества писателей, через особенности их воображения и характера. В результате этого они зачастую не взаимодополняются, а противоречат друг другу. Так, по своим психическим особенностям французы в изображении Гюго во многом отличаются от французов Мопассана, а русские в изображении Чернышевского — от русских Достоевского.

Почти все сказанное о художественных произведениях можно отнести и к биографической литературе, отметив дополнительно ее сравнительную малочисленность, значительную тенденциозность (даже в таких ее видах, как «личные дневники») и еще большую социальную нерепрезентативность.

Таким образом, все рассмотренные нами способы выявления «национального характера» представляются пока малоэффективными, а некоторые и просто ненадежными³². Эта малоотрадная ситуация усугубляется еще двумя обстоятельствами, заслуживающими специального рассмотрения.

Первое из них — сильная изменчивость психологических черт во времени, препятствующая использованию данных, относящихся к одному историческому периоду для заполнения брешей при характеристике другого периода. Представления о «врожденности национального характера», передающегося якобы «из поколения в поколение», своими корнями уходят в идеалистические концепции вечного «национального духа». И если даже на протяжении жизни индивидуума — от младенчества до старости — его характер может сильно измениться, то психологические черты народов, существование которых измеряется столетиями, подвержены еще большим изменениям. Русские люди в начале XX в., например, были уже не теми, что при Иване Грозном, не мог бы остаться прежним и русский «национальный характер». С XVI в. этническая территория русских расширилась далеко на север, на юг и особенно на восток. В новых природных условиях возникли специфические группы, сильно отличающиеся друг от друга хозяйством и бытом, этическими традициями и эстетическими вкусами; северные поморы стали близки в этом отношении к своим соседям карелам, терские казаки — к кабардинцам и т. п.

Тем временем исторический прогресс, обусловленный в конечном счете развитием производства, вносил все новые и новые изменения в жизнь людей. Менялось взаимодействие людей с природой и взаимоотношения их между собой, появились новые сословно-профессиональные группы с ранее неизвестными интересами и стремлениями; видное место среди них занял постепенно формирующийся рабочий класс. Постепенно, особенно после падения крепостничества и проникновения капитализма в сельское хозяйство, трансформируется и жизнь крестьянских масс.

Особо разительные изменения произошли в жизни русских людей за годы советской власти. Ликвидация эксплуататорских классов, борьба против религиозного мировоззрения, проникновение в массы революционной марксистско-ленинской идеологии, распространение грамотности, индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, развертывание научно-технической революции и многие другие важные процессы и явления приводили к формированию нового образа жизни, новых привычек и вкусов, интересов и идеалов, культурных и моральных ценно-

³² За недостатком места мы не рассматривали некоторые способы, предложенные зарубежными авторами, но еще совершенно не апробированные в нашей литературе, например установление национального характера путем изучения «базовой личности».

стей. Все это, конечно, не могло не привести к сильному изменению психологических качеств и характеристик русского народа. Впрочем, почти то же самое можно было бы сказать о «характере» украинцев, белорусов, татар и других народов СССР, а также (отвлекаясь от особенностей развития нашей страны) и большинства других народов мира.

Второе обстоятельство заключается в очевидной нецелесообразности и в то же время в неизбежности использования для определения «национальных характеров» различных качеств и черт, которые связаны с психологией личностей и могут быть оценены как «положительные» и «отрицательные». Как бы здесь ни осторожничал автор, он почти неумолимо приходит к восхвалению какого-нибудь одного народа в противовес другому (или другим). Не спасает здесь и употребление только «хороших» определителей, так как все положительные качества перечислить невозможно, а отбор лишь некоторых из них ведет к нежелательным выводам. В. В. Алексеев, например, определил русский «национальный характер» такими качествами, как «чувство национальной гордости», «чувство товарищества», «смекалка», «миролюбие», оговорив, что «многие из этих черт в той или иной степени свойственны духовному облику и других наций»³³. Но если речь идет о «многих» чертах, а не о всех, то получается, что каким-то народам вообще не свойственно, скажем, чувство национальной гордости, или чувство товарищества, или смекалка, а если и свойственны, то не полностью, а лишь в слабой степени!? Получается также, что самому русскому народу не свойственны ни радушие, ни природный юмор, ни многие другие как бы забытые автором качества.

У нас осталась еще не рассмотренной возможность вскрытия реалистичности «национального характера» путем нахождения таких ситуаций, в которых он резко выступал бы на передний план. Впрочем, детально анализировать этот вопрос и нет особой необходимости. Наиболее выигрышна в данном отношении такая ситуация, когда люди, принадлежащие к одному народу, общаются прямо или косвенно с людьми иной этнической принадлежности. Особенности такого общения в различных сферах жизни (в быту, на производстве и т. п.) и так называемые психологические установки поведения при межнациональных контактах могут фиксироваться при проведении специальных этносоциологических обследований. Однако именно материалы таких обследований показывают, что внутри каждого из контактирующих этносов имеются сильные вариации в поведении и установках на поведение, обусловленные социальным положением людей, уровнем их образования и другими факторами³⁴. Мы уже не говорим о том, что психологический аспект национальных отношений в лучшем случае может дать лишь частичное представление о «национальном характере», как, например, отношение одного человека к другому — лишь слабое представление об особенностях его характера.

Примерно сто лет назад Н. Г. Чернышевский, критически рассмотрев проблему «национального характера», заключил: «Мы имеем очень мало прямых и точных сведений об умственных и нравственных качествах даже тех современных народов, которые наиболее известны нам, и ходячие понятия о характерах их составлены не только по материалам недостаточным, но пристрастно и небрежно... Заменить небрежные и пристрастные характеристики народов верными — дело очень хлопотливое, и у большинства ученых нет серьезного желания, чтобы оно было исполнено, потому, что обыкновенная цель употребления характеристик народов состоит вовсе не в том, чтобы говорить беспристрастно, а в том, чтобы высказывать такие суждения; какие или кажутся выгодными для нас или льстят нашему самолюбию». Далее у Чернышевского: «Люди, же-

³³ В. В. Алексеев, Указ. раб., стр. 29.

³⁴ См., например: Л. М. Дробжижева, Социально-культурные особенности личности и национальные установки (по материалам исследований в Татарской АССР), «Сов. этнография», 1971, № 3.

лающие говорить беспристрастно о других народах, воздерживаются от этого способа суждений слишком произвольного, довольствуются сведениями, которые приобретаются гораздо легче и представляют более достоверности: они изучают формы быта, крупные события жизни народа и ограничиваются теми суждениями о качествах народов, какие без труда выводятся из этих достоверных и точно определенных фактов»³⁵. В данной статье мы рассмотрели возможные пути беспристрастного познания «национального характера» и убедились в их малой эффективности. Следовало бы, казалось, ожидать, что приверженцы «национального характера» до тех пор, пока не достигнут в своих работах практических успехов, объективных результатов, ослабят нападки на своих оппонентов. Однако этого не наблюдается, и чтобы завершить анализ проблемы «национального характера», нам необходимо рассмотреть некоторые причины такого явления.

Нетрудно догадаться, почему концепция «национального характера» пользуется большой популярностью среди буржуазных ученых³⁶. Немаловажной причиной этого является возможность использования «положительных» и «отрицательных» характеристик психического склада народов в спекулятивных пропагандистских целях и для подкрепления националистических и даже расистских концепций. Как известно, биологический расизм обанкротился в результате распространения научно обоснованных данных о том, что антропологические признаки не определяют собой способности людей. Но взамен его выдвинулся психологический расизм, согласно которому раса определяется в первую очередь совокупностью трудноуловимых (а следовательно, и труднопроверяемых!) психических качеств; «нордический тип человека,— как писал один из фашистских теоретиков,— узнается по его действиям, а не по длине его носа или цвету глаз»³⁷. В последнее время подобные «теории» часто фигурируют в работах некоторых американских авторов, пытающихся доказать «психическую неполноценность» американских негров и ряда народов стран Азии и Африки, противопоставляя им «психическое совершенство» белых американцев.

Советские ученые, в том числе приверженцы «национального характера», разоблачают и справедливо критикуют такие «теории» и сделанные на их основе выводы, хотя, как ясно из предыдущего, пока не в состоянии противопоставить ошибочным и предвзятым определениям «национальных характеров» более точные. Уместно отметить также, что далеко не все зарубежные авторы отстаивают концепцию «национального характера» только в реакционных целях. Над многими из них господствуют бытовые представления, обыденные формы мышления, подкрепленные приверженностью к старым, ставшим уже привычными определениям. Некоторые из этих мотивов проступают и в позиции части наших сторонников «национального характера».

Психические стереотипы, принимаемые в быту за «национальный характер», обычно усваиваются с детства, поэтому «непредубежденных» людей, на которых ссылается В. П. Алексеев, говоря о реальности «национального характера» (см. стр. 70) найти трудно. Сам же В. П. Алексеев, судя по сноске к этому утверждению, был, как нам кажется, уже предубежден некоторыми произведениями, в частности романом П. Даниноса «Записки майора Томпсона» (1970 г.), где обыгрываются некоторые якобы типичные черты «национального характера» англичан и французов. Судя по всему, был достаточно «предубежден» и Н. Джандильдин, по-странным цитирующий психологические зарисовки французского историка

³⁵ Н. Г. Чернышевский, Указ. раб., стр. 613—614.

³⁶ Библиография по этому вопросу еще в 1960 г. составляла около 1000 названий (см. Н. С. J. Duijker, N. H. Frijda, National character and national stereotypes. Amsterdam, 1960).

³⁷ См.: сб. «Расовая проблема и общество», М., 1957, стр. 252.

XIX в. Ж. Мишле, русского экономиста В. В. Берви-Флеровского и некоторых других авторов, на наш взгляд, недостаточно компетентных в области психологической науки.

Существуют и другие мотивы приверженности к «национальному характеру». Так, группа литературоведов, выступившая недавно в его защиту, явно обеспокоена тем, что без этого понятия будет обеднена национальная литература³⁸. Некоторые философы обеспокоены тем, что без психологического аспекта понятие нации становится недостаточно жизненным. Тот же Н. Джандильдин пишет, что без общности черт национальной психологии «национальная общность сводилась бы лишь к сумме внешних объединительных признаков, а сама нация как активно действующий социальный субъект оставалась бы внутренне разнородной (не в смысле разделения на антагонистические классы, а в смысле этнопсихологической разобщенности), лишенной духовной целостности и «унифицированности»³⁹. Но и это беспокойство лишено основания.

Действительно, нация (и любая этническая общность) может проявить себя в социальной жизни лишь тогда, когда входящие в нее люди не только, например, говорят на одном языке и живут рядом — на одной территории, но и чувствуют себя принадлежащими именно к этой общности. Однако чувство, названное национальным (этническим) самосознанием, не входит в «национальный характер» и является важным самостоятельным признаком нации (или этноса). Такое самосознание возникает под действием объективных факторов; видную роль в нем играет представление о каком-то общем происхождении, об общих исторических судьбах, оно опирается на понятие родного языка, родной земли и т. п.⁴⁰ В отличие от «национального характера» национальному самосознанию не мешает существование внутри наций разнородных в психологическом отношении групп людей, подобно тому как разнородность характеров не мешает, например, существованию государственной общности. При определении государственной общности мы пользуемся признаком подданства (к которому часто добавляется и чувство патриотизма), но было бы неразумно искать у входящих в это государство людей, особенно в классово-антагонистическом обществе, какую-то «органическую духовную целостность» и единый «государственный характер». Национальное самосознание действительно объединяет людей в социальном отношении и поэтому именно оно, а не «национальный характер» учитывается в переписях и других видах статистического учета населения.

В заключение повторим, что в целом выявление реальностей «национального характера» в его научном понимании сопряжено с очень большими трудностями. Этот общий вывод распространяется почти на все современные более или менее крупные народы мира, хотя трудности выявления отдельных сторон «национального характера» у тех или иных конкретных народов разные; для очень широко расселенных, живущих смешанно с другими народами русских они явно больше, чем, например, для японцев, развивавшихся изолированно в течение многих столетий. Для небольших народов и особенно для родо-племенных обществ таких трудностей, очевидно, еще меньше, хотя и в этом случае точное установление «национального характера» представляется проблематичным.

Что же действительно реального, опять-таки в целом, имеется пока в «национальном характере», кроме убежденности ряда исследователей в его существовании? Во-первых, имеется сам термин «национальный характер», которым можно пользоваться при ярких набросках, точно так же как пользуются, например, термином «душа», хотя за ним стоит еще

³⁸ См.: Н. Воробьева, Национальный характер и история, сб. «Национальное и интернациональное в советской литературе», М., 1971; Л. Залеская, К спорам о национальном характере, там же.

³⁹ Н. Джандильдин, Указ. раб., стр. 28.

⁴⁰ См.: В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 47—50.

менее четкая реальность. Кроме того, имеется великое множество бытующих вульгарных, а зачастую и просто неверных этнопсихологических стереотипов, не имеющих ничего общего с научным пониманием «национального характера». Допустим ради осторожности, что имеются некоторые более или менее типичные для каких-то отдельных групп одного из народов какие-то реальные черты психического склада, которые могут быть включены в широкое определение понятия этнической общности, но которые психологической наукой пока не установлены, т. е. остаются «вещью в себе», и которые, во всяком случае, будет очень трудно представить в обобщенном виде в форме «национального характера»⁴¹. Имеется, наконец, и реальная необходимость изучения психологических аспектов жизни отдельных людей или групп людей, входящих в этносы.

В последнее время вновь предпринимаются попытки создать на стыке этнографии с психологией особую научную дисциплину — «этническую психологию». Существование такого термина не должно опять-таки создавать представления, будто эта дисциплина основана на «национальном характере»; показательно, что и сами авторы, работающие над этнопсихологической тематикой, обычно не концентрируют на нем внимания и даже (как, например, И. С. Кон) ставят его под сомнение. Становление этнической психологии пока находится в самой начальной стадии, профессиональные психологи, как правило, не принимают в ней участия, и поэтому даже за рубежом, где ей уделяется большое внимание, она, по справедливой оценке С. И. Королева, представляет собой по-прежнему лишь «психологизированную этнографию»⁴².

Между тем перед этнической психологией стоят интересные, сложные и важные задачи. В число их входят уже упомянутые выше вопросы исследования установок на межэтнические контакты и особенностей поведения в таких контактах людей различной этнической принадлежности. К ним относятся также вопросы, связанные с изучением этнических аспектов общественного мнения, классовой борьбы. Существенное внимание должно быть уделено вопросам происхождения и особенностям бытования среди разных социальных слоев различных народов тех или иных «стереотипов». Можно решать и другие реальные вопросы, но только, повторяем, нецелесообразно путать все это с проблемой «национального характера» в ее теперешнем понимании. Проблема выявления реальностей «национального характера» тех или иных народов требует специальных конкретных исследований.

«NATIONAL CHARACTER»: RESEARCH PROBLEMS

In the course of a protracted discussion about «national character» extreme points of view have become crystallized: some authors are not only convinced of this phenomenon's reality but regard it as a necessary distinctive feature of any ethnos (or nation); others cast a doubt upon the very concept of «national character». The cause of such wide divergences of opinion lies in the complexity of the problem of «national character» and in the differing methodologies on the base of which this problem is approached. The present authors examine the main scientific means by which «national character» may be elicited (the psychological approach, ethnographical approach, etc.) and show up the almost insurmountable difficulties awaiting the researcher upon each path of approach. They warn against oversimplified conclusions, against the inadmissible confusion between «national character» and current psychological stereotypes; they urge wider study of ethnic psychology and recommend circumspection in using the very term «national character».

⁴¹ «Навряд ли реально было бы фантазировать,— пишет по этому поводу Б. Ф. Поршнев,— о составлении для каждой этнической общности чего-то вроде социально-психологического паспорта — перечня характерных для нее и отличающих ее от других психологических черт» (см.: Б. Ф. Поршнев, Указ. раб., стр. 101).

⁴² С. И. Королев, Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов, М., 1970, стр. 15.